

Шан Сижуй сказал:

— Тогда завтра я покажу вам хорошую «Тоску по мирской жизни». Вам не нужно разбираться в тонкостях, просто посмотрите и сравните.

Шан Сижуй перестал есть, и крошечная ранка на языке снова напомнила о себе. Он произносил слова с такой точностью, что, возможно, его язык был более чувствительным, чем у других, как писали в газетах: «На его языке сто восемь жилок!» Боль заставила его плотно сжать губы. В этот момент Лицедей, игравший в «Тоске по мирской жизни», узнав, что Шан Сижуй пришёл на спектакль, с энтузиазмом снял грим и побежал к нему. Его настроение было таким же, как у Шан Сижуй при встрече с Юань Сяоди: глаза горели, губы улыбались, щёки порозовели, а руки не знали, куда деться. Однако этот Лицедей был гораздо раскованнее Шан Сижуй и настойчиво просил его оценить свою игру. Шан Сижуй, разочарованный и равнодушный, с болью на языке, не хотел много говорить. Когда Лицедей закончил, он медленно спросил:

— А, кто ваш учитель?

Лицедей ответил, что это Юань Сяоди. Шан Сижуй ухватился за эту тему:

— Юань Сяоди я знаю, он великолепный актёр, особенно в «Повести о нефритовой шпильке». Он одинаково хорош и в мужских, и в женских ролях, настоящий мастер. Помню, я впервые увидел его в Гильдии актёров, это было потрясающе...

Он начал вспоминать свои немногочисленные встречи с Юань Сяоди, уходя всё дальше в прошлое, но Лицедей всё равно не сдавался, спрашивая:

— Учитель лично обучал меня, как вы думаете, сейчас я лучше его?

Шан Сижуй едва сдержал усмешку, думая: «Ты даже мне не нравишься, а ещё сравниваешь себя с учителем? Совсем не знаешь себе цену». Он не смог ничего сказать, лишь смотрел на Лицедея с растерянной и безнадёжной улыбкой. Ему казалось, что эта улыбка была мягче, чем насмешка, но выражала ту же холодность, которая должна была заставить Лицедея отступить. Однако на деле это выглядело как простое замешательство. Лицедей, видя его растерянность, тоже застыл в неловкости. Они смотрели друг на друга в полном смущении, пока Лицедей, наконец, не решился заговорить. Но прежде чем он успел произнести слово, Чэн Фэнтай подошёл с явным нетерпением и сказал:

— Эй, эй, эй! Кто так спрашивает? Вы знаете правила?

Лицедей, привыкший к похвалам, слегка изменился в лице, но сдержался и спросил Шан Сижуй:

— Господин Шан, а кто это?

Шан Сижуй посмотрел на Чэн Фэнтай:

— Это директор Большого театра Цинфэн.

Это не было ложью, Чэн Фэнтай владел двумя процентами акций театра.

Чэн Фэнтай, улыбаясь, сказал:

— Господин Шан, вы меня переоцениваете, я просто ваш помощник.

Он поклонился и жестом пригласил:

— Господин Шан, уже поздно, пойдёмте? Завтра ещё спектакль!

Шан Сижуй, сдерживая смех, важно поправил одежду, встал и сказал:

— Да, уже поздно. Господин Цай, не провожайте, я прощаюсь.

Лицедей не успел ничего сказать, как Шан Сижуй уже ушёл. Выйдя из театра, они оба не могли сдержать смеха, чувствуя, что сыграли злую шутку.

Чэн Фэнтай сказал:

— Господин Шан, сегодня я понял, что вы довольно высокомерны! Вы не одинаково относитесь к своим коллегам!

Шан Сижуй ответил:

— Нет, просто я не уважаю тех, у кого слава превышает талант, и кто этим гордится.

Шан Сижуй, сидя в машине, тихо смеялся, прикрывая рот. Чэн Фэнтай, думая, что у него болит язык, или притворяясь, что думает так, нежно поднял его подбородок и поцеловал. Этот медленный, чувственный поцелуй, в котором он ласкал рану на языке, был наполнен сладким вкусом шоколада.

— Господин Шан, ещё болит?

Шан Сижуй, с расфокусированным взглядом, не ответил, а лишь крепче обнял Чэн Фэнтай и углубил поцелуй. Их беззаботная жизнь состояла из таких моментов: просмотр спектаклей, поцелуи и медленное наслаждение каждым мгновением.

С тех пор, как труппы хуэйбань прибыли в столицу, опера куньцзюй потеряла былую популярность. Однако Бэйпин, как бывшая императорская столица, сохранил множество образованных людей, которые всё ещё ценили это искусство. Они часто устраивали собрания, приглашая известных актёров куньцзюй, и в окружении беседок и павильонов слушали оперу, сочиняли стихи, рисовали и наслаждались чаем. Когда-то Юань Сяоди был любимцем этих учёных мужей. Он был степенным, начитанным, умел писать и рисовать, а его речь была безупречна. Для учёных эти качества были важнее внешности и голоса. Однако теперь Юань Сяоди стремился избавиться от актёрского прошлого и больше не появлялся на таких мероприятиях. Титул любимца по праву перешёл к Шан Сижуй. Он был слишком молод и не получил образования, но обладал природным умом, быстро запоминал стихи и песни, а также имел оригинальные идеи, что делало его уникальным в кругу учёных. Именно на одном из таких собраний он познакомился с Ду Ци, своим личным поэтом.

В этот день Шан Сижуй отправился на домашний спектакль в дом академика Дун. После нескольких выступлений он присоединился к учёным за чаем. Они говорили, что в столице больше нет хороших актёров куньцзюй, и Шан Сижуй, возможно, самый молодой из достойных. Кроме Юань Сяоди, только актриса Яо Сифу была на высоте.

Шан Сижуй усмехнулся:

— Яо Сифу — мой учитель! Она научила меня куньцзюй.

Все хором похвалили его, сказав:

— Значит, господин Юань — ваш дядя по учительской линии!

Шан Сижуй на мгновение замер, но быстро понял. Хотя он два года учился у Яо Сифу, он не знал, что она была младшей сестрой Юань Сяоди, и между ними существовала такая связь.

— Она никогда не упоминала об этом. Возможно, потому что я был её учеником по устному соглашению, и ей не нужно было рассказывать о своих учениках.

Некоторые из присутствующих стариков слегка изменились в лице, сказав:

— Госпожа Яо была прямолинейной и любила поговорить, она не намеренно скрывала это. В своё время она была выдающейся личностью в Бэйпине, сумевшей популяризировать куньцзюй среди пекинской оперы! Она даже превзошла своего старшего брата! Позже из-за разногласий в школе она бросила всё и уехала в Пинъян.

Это «также» было произнесено с особым подтекстом. Шан Сижуй, не обратив внимания, пропустил это мимо ушей. Те, кто понял, украдкой взглянули на него, думая, что Яо Сифу, как и её ученик, покинула столицу из-за любовных неудач с братом.

Академик Дун усмехнулся:

— В те годы было странно, как несколько знаменитых актёров по очереди отправлялись в Пинъян, место, охваченное засухой и войной. Зачем они туда ехали?

Благодаря тому, что знаменитости поехали в Пинъян, Шан Сижуй получил возможность учиться у них. Казалось, что судьба свела их в одном месте, чтобы создать одного Шан Сижуй.

Академик Дун развернул бумагу, чтобы написать несколько стихов, а Шан Сижуй привычно взял чернильный брусок и начал растирать его. Видно, что он делал это много раз, и учёные, позволившие лицедею помогать с чернилами, явно очень любили его. Шан Сижуй, склонившись над чернилами, сказал:

— У куньцой столетия традиций, я не верю, что в столице больше нет достойных актёров.

Кто-то сказал:

— Традиции действительно велики, но даже актёры пекинской оперы могут спеть куньцой. Однако чтобы угодить нашему уху, таких сейчас мало.

Другой добавил:

— Может, стоит поискать в труппе Юньси? Её руководитель, Сы Си'эр, ведь специализируется на куньцой! У него должны быть достойные ученики.

Шан Сижуй про себя повторил название труппы, вспомнив, что Юань Сяоди недавно рекомендовал ему одного лицедея из Юньси, и в его сердце зародилась надежда.

<http://bllate.org/book/15435/1368604>